

**Виктор Хорунжий
Дженнифер. Обитель скорби**

Space1 Media
WORLD

Волшебство живёт
вокруг нас

Дженнифер

Обитель скорби

Виктор Хорунжий

Глава 1. Вечер в театре

Эта история началась прохладным осенним вечером в городе Гринстоун. Шел 1995 год. В известном городском театре актеры, отыграв последние сцены, под жидкие аплодисменты зрителей удалились за кулисы.

Спектакль оказался на редкость скучным, и желание поскорее попасть на свежий воздух заставило Дженни одной из первых спуститься в гардероб. Она забрала свои вещи и тут же поспешила к выходу. На ходу застегнув молнию приталенной куртки, поправила свои длинные волосы, золотистыми завитками рассыпавшиеся по плечам. Когда входная дверь старинного здания тяжело захлопнулась за спиной, девушка облегченно вздохнула.

И вдруг она вздрогнула, едва не натолкнувшись на мужчину в строгом черном пальто, который шел ей навстречу. В тот же миг Дженни увидела и огромного черного пса рядом с ним, взявшего ее невзвесть откуда. От неожиданности Дженнифер отпрянула — невероятный зверь, черный, как сама ночь, с ослепительно-белыми зубами, выглядел угрожающе. Тем более на нем не было видно ни ошейника, ни намордника.

Незнакомец, почувствовавший немой испуг девушки, с улыбкой сказал ей:

— Не бойтесь, юная леди, мой друг не причинит вам вреда.

Словно в подтверждение этих слов, пес поднял на Дженни умные черные глаза и еще раз приветливо вильнул хвостом. Однако мысли протянуть руку и погладить его у девушки не возникло.

«Никогда не встречала собак такой породы», — подумала она, провожая взглядом два темных четких силуэта, отдалявшихся в свете уличных фонарей: высокого мужчины и пса размером чуть меньше пони.

Но в следующую секунду дверь театра отворилась снова и вместе с гурьбой недавних зрителей наружу вырвался поток звуков, в котором смешались обрывки слов, смех, кашель — обыденная музыка обычной толпы. Звуки выплеснулись на улицу, и время, которое только что, съезжившись от испуга, робко замерло вместе с Дженни, теперь широко зашагало по влажному асфальту, подгоняемое торопливой толпой. Казалось, театральная площадь ожила — людская река, разбиваясь на тоненькие ручейки, стала разбегаться в разные стороны.

— Дженни! Куда ты пропала? — прозвучал за ее спиной недовольный голос матери.

Девушка еще раз взглянула на залитую желтым светом вечерних фонарей улицу, по которой только что двигались двое — человек и пес, однако теперь здесь совершенно никого не было.

— Ты меня слышишь?

— Да, мама, — повернулась Дженнифер.

Элисон Паркер выглядела безупречно в дорогом светло-сером пальто и элегантной шляпке, выгодно оттеняющей ее молоджавое лицо в обрамлении мягких локонов светлых волос.

— Ну и погодка, — вздохнул Патрик Паркер, вслед за женой спускаясь по крутым ступеням. — Иногда особенно донимает эта сырость... Как вот сейчас, например.

Он взял жену под руку, и Дженни, шагая рядом, невольно залюбовалась ими. Ее родители всегда выглядели эффектной парой, поэтому, появляясь где-нибудь в обществе, неизменно притягивали к себе внимание. Мать Дженни по праву считалась красавицей, но и отец ничуть не уступал ей. Высокий, статный мужчина с чуть выющимися черными волосами и живым взглядом темно-карих глаз, Патрик Паркер выглядел моложе своих сорока лет. Впрочем, и Элисон рядом со своей дочерью Дженнифер скорее казалась ее сестрой, нежели матерью.

А вот во внешности Дженни в равной степени смешались отцовские и материнские черты —

волосы цвета бледного золота, серые выразительные глаза, прекрасная фигура, высокий рост. Можно было не сомневаться: еще пару лет и милая девочка расцветет так же, как ее мать...

— Надоела сырость? Тогда почему бы нам не переселиться из Гринстоуна в местечко потеплее? — улыбнулась мужу Элисон, продолжая разговор. — Хотя есть возможность решить эту проблему и менее радикально: взять, например, отпуск на неделю и махнуть куда-нибудь к теплему морю... Мы с Дженни с удовольствием составим тебе компанию!

— Да, пап! — от радости Дженнифер чуть не подпрыгнула. — Полетели к морю, пока я на каникулах! Хотя бы на несколько дней!

— Как у вас все просто! — тоже улыбнулся Патрик. — Вот так вот взял — и на море!

— Конечно! Раз — и на море! — воскликнула Дженни с таким восторгом, что теперь, глядя на нее, улыбались уже и отец, и мать. — Папочка, ну, пожалуйста!

— Стоит подумать, — обнадеживающе промолвил Патрик. — К этому разговору мы вернемся завтра. А сейчас — в машину! Хочется поскорее попасть домой и нырнуть хотя бы в теплую ванну, если уж подходящего моря пока что рядом нет...

Тем временем они оказались возле

припаркованного на стоянке белого авто.

Заняв свое место на заднем сидении, Дженни защелкнула ремень безопасности и склонилась к окну, разглядывая круглую площадь возле высокого старинного здания театра.

Вырулив на Винд-роуд — одну из центральных улиц, — их автомобиль влился в поток других машин. Мимо Дженни мелькали вечерние огни. Пусть Гринстоун и не претендовал на звание мегаполиса, но все же это был большой город, разделенный на историческую и новую части. Именно здесь, в последней, размещались офисы, торговые и деловые центры, кинотеатры и многое другое. С наступлением сумерек сдержанный, деловой дневной облик города менялся до неузнаваемости — будто молодая бизнес-леди сменяла свой строгий серый костюм на роскошное вечернее платье.

Дженни, закрыв глаза, стала представлять себе море: лазурный горизонт, теплый песок и кружева морской пены у самых ног... Ничто не могло сравниться с морем, а сравнивать было с чем: не зная недостатка в деньгах, ее семья посетила многие страны и побывала на разных курортах...

Со счастливой мыслью о море, Дженнифер задремала.

...Янтарно-желтые и светло-оранжевые, золотистые и зеленые, с оттенком коричневого

листья вдруг ворохом посыпались сквозь распахнутое настежь окно. Дженни стояла посреди своей комнаты и молча наблюдала, как листованной ковер на полу становится все больше, разливаясь по паркету подобно золотой лавине. Листья множились просто на глазах и становились продолжением ослепительного солнечного света, что заполнял собой все пространство...

— Ч-черт! Что у него со светом? — вдруг раздраженно ругнулся отец.

Моргнув, Дженни проснулась. Свет действительно был ослепляющим: он исходил от мощных фар автомобиля, что следовал за ними. Резкий звук клаксона заставил ее непроизвольно съежиться.

Как оказалось, они уже выехали из города и сейчас направлялись к дому по тихой улочке. Автомобиль со слепящими фарами продолжал держаться позади, на том же расстоянии.

Отец еще раз тихо выругался и щелкнул держателем зеркала заднего вида, поднимая его вверх. Дженни прижалась к боковому стеклу, пытаясь разглядеть машину, которая преследовала их, но не смогла: свет фар ослепил ее.

Цветные обрывки недавнего сна до сих пор проносились у нее в голове, когда за очередным поворотом дороги вдруг на секунду мелькнула (или ей это лишь показалось?) чья-то тень.

Резкий визг тормозов разорвал тишину. Реальность на мгновение замерла, а затем обрушилась на девушку всей своей ужасной действительностью: с невыносимым скрежетом автомобиль развернуло и отбросило в сторону — прямо в ослепительный свет приближающихся фар...

Глава 2. Разделенные невидимой чертой

Над ее головой раскинулся купол чернильно-синего неба, нарядившегося в хрупкие бриллианты звезд. Ближе к его краю темнота, не в силах противостоять огням огромного города, рассеивалась и расплывалась желтыми пятнами. Но это было там, в шумном и суетливом мегаполисе, а здесь, за городом, вечернюю тишину нарушал только отдаленный шум проехавшего авто, неожиданно громкий лай собаки и чьи-то голоса рядом с соседним домом.

Рипп-рип... — тоскливо отозвалась толстая цепь, на которой были подвешены качели. Дженни любила проводить здесь время. Раньше. А сейчас она пришла сюда, чтобы спрятаться в привычном маленьком мирке от ужасающей реальности, которую все еще не могла принять...

Девушка обернулась и посмотрела на дом — он сверкал словно рождественская елка: свет лился

из каждого окна. Светилась даже мансарда на третьем этаже, где никто никогда не жил в это время года.

Все ее тело будто налилось свинцом, каждое движение давалось с трудом. Сколько она уже здесь сидит?

Дженнифер закрыла глаза, склонившись тяжелой головой на звенья цепи. И опять перед внутренним взором в который раз пронеслись события того страшного вечера. Слепящий свет... резкий поворот автомобиля... скрежещущий визг тормозов и звук сминающегося металла... Затем — темнота... и — пробуждение в больнице. Врачи не переставали удивляться, каким образом такая ужасная авария обернулась для девушки лишь обмороком, несколькими ушибами да ссадинами.

А вот увидеть родителей Дженни позволили не сразу — будто запоздалое осознание самого страшного и отсрочка неминуемой тягостной последней встречи могли как-то смягчить удар, от которого некуда деться...

Белое лицо Элисон под белой больничной простыней — неестественно застывшее, уже отмытое от потеков крови. Спутанные волосы... Мама никогда не позволила бы себе показаться на людях без прически. Если бы она была жива... На отца девушке дали взглянуть лишь мельком — он очень пострадал при столкновении с многотонным

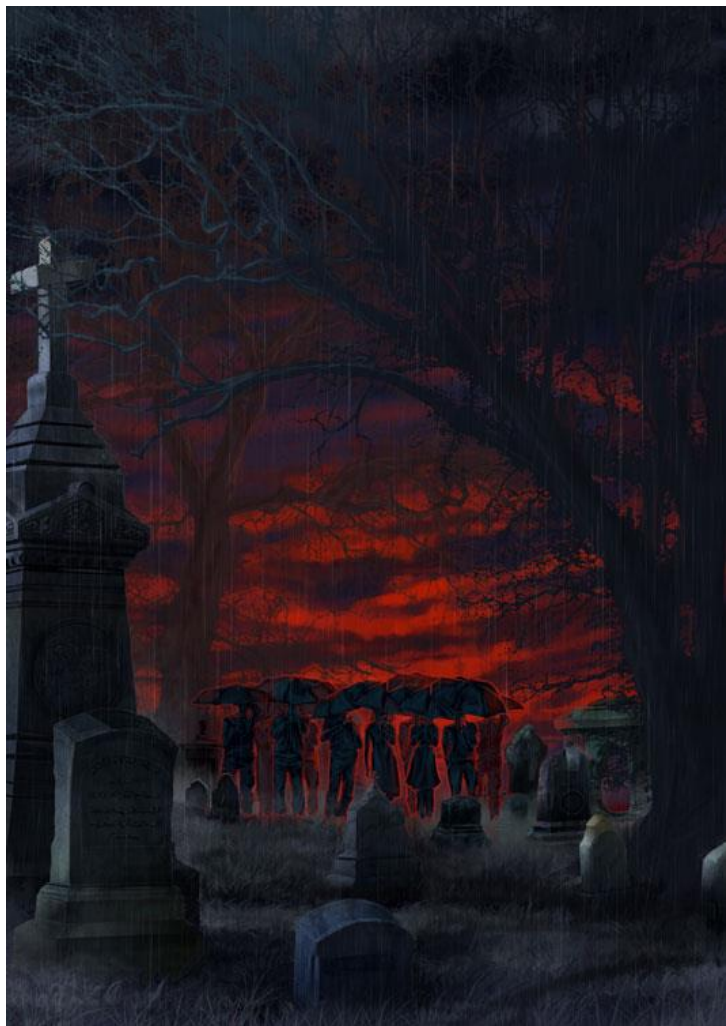
грузовиком: основной удар пришелся со стороны водительского места.

Дрожая, Дженни хватала ртом пропитанный больничными запахами воздух морга, не в силах поверить, что два неподвижных тела — это все, что осталось от ее родителей, которые еще несколько часов назад сидели в театре, мечтали о теплом море, шутили и были такими... живыми! Но это происходило там, в той реальности, что замерла по другую сторону яркой вспышки света. Там остались ее самые близкие, родные люди, теперь отделенные от Дженнифер невидимой чертой, нарисованной смертью, — навсегда. Навсегда... Какое страшное слово! А по эту сторону она, Дженни, совсем одна.

Девушка снова открыла глаза — воспоминания были слишком болезненными и возвращались каждый раз, как только она оставалась в одиночестве. Но и видеть кого-либо ей сейчас не хотелось.

Сегодняшние похороны она помнила смутно — словно это были не настоящие события, а просто запись на старой киноленте.

Два деревянных гроба, монотонная речь священника, цветы в руках немногочисленных маминых и папиных сослуживцев, лиц которых она так и не запомнила, — разве это могло быть настоящим? Может, она просто спит и ей снится кошмар, затянувшийся во времени?

Вот и сейчас — вдруг она уже проснулась и все пойдет по-прежнему? Папа будет сидеть в гостиной у телевизора, а мама поругает ее за неубранные в шкаф вещи.

Ей так нестерпимо захотелось в это поверить, что, подхватившись, она поспешила к дому, однако все нарастающая головная боль не способствовала легкости ее шагов. И почему-то вид распахнутой настежь двери вызывал смутную тревогу. Поднявшись по ступенькам черного хода, Дженнифер прошла коридор и, миновав кухню, вошла в гостиную.

Люди все еще были здесь — те, что явились почтить память своих соседей и знакомых, хозяев, которые больше никогда не переступят порог этого дома...

Едва она вошла в гостиную, негромкие разговоры стихли и все присутствующие, включая священника, повернулись в ее сторону. Они будто бы чего-то ждали от нее, но Дженнифер не знала, чего именно. Все, что ей теперь хотелось, — закрыть за собой дверь и не видеть больше эти чужие лица...

— Как ты, деточка? — рядом с ней оказалась их соседка, мисс Уокер — тощая старая дева, с которой они никогда не были дружны, хотя и прожили много лет бок о бок. Но сейчас, в день похорон, она вела себя так, словно числилась

первой в списке маминых подруг. Цепкая костлявая рука опустилась на плечо девушки — вероятно, это должно было означать поддержку.

Ничего не ответив, Дженни молча сбросила со своего плеча ее руку и побежала к лестнице, ведущей на второй этаж. Девушка слышала приглушенные голоса снизу, в них ей почудилось осуждение — наверняка говорят о ней. Но теперь Дженнифер все было безразлично, как и то, что, по правилам хорошего тона, она должна была сидеть с гостями, выслушивать их соболезнования и благодарить за участие.

Однако Дженни совсем не хотелось этого, все условности были фальшивыми и ненужными — никто из людей, расхаживающих по гостиной с торжественно-печальными лицами и разглядывающих исподтишка неброскую, но дорогую обстановку, не был по-настоящему дружен с их семьей. И вряд ли кто-то из них всерьез скорбел о потере. Сейчас она чувствовала злость на них и на весь мир, укравший ее поддержку, ее беззаботную и радостную жизнь. Почему, почему пожилая мисс Уокер и дальше изо дня в день будет выгуливать своих собак, смотреть вечерами сериалы и пить чай, а ее молодые, красивые, полные жизни родители останутся лишь воспоминанием? И она никогда — никогда! — не сможет их обнять...

Оказавшись в своей комнате, Дженни заперла за собой дверь и, не зажигая свет, села у окна. Снизу доносились голоса и звуки, но она оставалась безучастной к ним. Даже когда в дверь осторожно постучали и женский голос сказал, что мисс Уокер и миссис Браун останутся здесь на ночь, чтобы ей было спокойнее, Дженнифер не ответила.

Она больше не видела смысла соблюдать какие-то дурацкие правила приличия.

Глава 3. Хищники в темноте

Она не знала, сколько еще прошло времени, прежде чем сон все же начал одолевать ее. Не раздеваясь, Дженни перебралась на кровать и свернулась калачиком в надежде уснуть. У нее это почти получилось, однако легкие звуки шагов за дверью заставили девушку насторожиться. Кто там может быть в такое время? Неужели кому-то из соседок, что решили остаться на ночь, понадобилось зачем-то бродить по дому?

Некоторое время ничего не происходило. Дженнифер опять окунулась в дремоту, но звук шагов повторился снова. Только теперь ей показалось, будто по коридору пробежала большая собака. Сон как ветром сдуло. Дженни села на постели и стала прислушиваться. Долго ждать не пришлось: странные звуки прозвучали вновь,

однако на сей раз зверей было двое. В недоумении, замешанном на страхе, она тихонько встала и подошла к двери, не решаясь ее открыть.

Неожиданно и жутко в ночной тишине раздался удар по двери, заставивший ее отпрянуть. За ним последовал короткий рык, будто неизвестное животное, наткнувшись на преграду, рассердилось. С бешено колотящимся в груди сердцем Дженнифер замерла посреди комнаты, а по ту сторону двери монстры начали бесноваться: они рычали и бросались на деревянное полотно, явно не рассчитанное на то, чтобы выдерживать такой натиск. Со страшной силой когти скребли по полу, к этим звукам добавились подвывание и лязг зубов.

Дженни онемела от ужаса. За секунду в ее голове пролетело множество мыслей, среди которых было и недоумение: почему до сих пор к ней не примчались оставшиеся ночевать здесь соседки? Ведь не услышать то, что творилось за ее дверью, было попросту невозможно. Казалось, от страшного шума могли проснуться и люди в соседних домах. Но до сих пор на помощь к ней никто не спешил...

Удар в оконное стекло позади Дженнифер заставил ее отскочить к стене и прижаться к ней спиной. Что это могло быть? Но окно, как и дверь, закрыто и ночная туманная мгла скрывает невидимую угрозу.

Пытаясь унять дрожь, Дженни медленно сделала два шага к окну — и застыла, не в силах пошевелиться. На подоконнике сидел огромный черный ворон. Птица не двигалась и поэтому казалась ненастоящей, будто ее нарисовала на влажном от сырости стекле сама ночь.

Дженни двинула рукой, непроизвольно желая стереть зловещий силуэт, однако, стоило ей шевельнуться, как ворон, взмахнув огромными крыльями, снова ударил клювом в стекло. И вдруг, в черноте ночи, зажглись тлеющими угольками глаза нереальной птицы: с невыразимой злобой ворон пристально уставился на девушку.

Это стало последней каплей: подчиняясь нахлынувшему страху, Дженнифер закричала...

Глава 4. Когда дом больше не защита

Мисс Уокер и миссис Браун сидели на кровати рядом с Дженни. Девушка не могла не заметить многозначительных взглядов, которыми обменивались между собой соседки, пока она доказывала им, что это был вовсе не сон и страшные звери действительно пытались ворваться в ее комнату через дверь, а птица стучала клювом в окно.

Женщины вместе с Дженнифер осмотрели двери и пол в коридоре, но следов когтей, которые

должны были там остаться во множестве, не наши.

— Дженни, дорогая, тебе просто померещилось! — увещевали юную соседку мисс Уокер и миссис Браун. — Вчерашний день оказался слишком тяжелым для тебя...

Их слова звучали настолько убедительно, что девушке даже стало немного стыдно — может, и вправду ей все приснилось? В самом деле — откуда в доме могли взяться собаки или волки, ломившиеся в ее дверь?

Немного успокоившись, она согласилась снова попытаться уснуть, но отказалась от того, чтобы соседки остались в ее комнате. Все-таки ей уже не шесть лет, а шестнадцать! Может быть, она действительно переутомилась и теперь просто стала жертвой кошмара...

Снова заперев дверь, Дженни нырнула под одеяло, однако выключить свет не решилась — слишком уж сильными были недавние переживания. Усталость взяла верх, и вскоре девушка уже спала...

Холодное, пасмурное утро заглядывало в окно серым туманом. Дженнифер наконец открыла глаза. Обе соседки еще были здесь — она увидела их, когда, немного приведя себя в порядок, спустилась вниз. Остаться дольше они не могли и заторопились, собравшись уходить, но пообещав, возможно, вернуться вечером.

Девушка провела их до двери. Теперь она снова одна.

Повисшая тишина оказалась неожиданно тяжелой и вязкой; чтобы как-то разогнать ее, Дженни включила телевизор. Однако смотреть его не было никакого желания, и, пытаясь чем-то занять себя, она начала раскладывать по шкафчикам вымытую после вчерашнего ужина посуду.

Дженнифер наотрез отказывалась думать о том, как будет жить без родителей — заглядывать далее сегодняшнего дня не хотелось. Обыденная работа немного привела ее в чувство. Девушка убрала в комнатах на первом этаже, до блеска вычистила кухню и даже прибрала камин. Обычно этим занималась их домработница, которая приходила два раза в неделю, но Элисон Паркер, как хозяйка дома, и сама строго следила за чистотой. Она всегда считала, что наведение порядка для девочки — одно из самых полезных занятий, поэтому Дженнифер не боялась любой домашней работы. И теперь выполнение простых действий погружало ее в иллюзию того, что все осталось по-прежнему. Вот сейчас мама откроет дверь и похвалит ее за усердие...

Входная дверь действительно открылась; наверное, вновь пришла одна из соседок. Но Дженни напрасно ждала, пока гостя подойдет к

ней — на кухне так никто и не появился. Может, ее ищут в другом месте?

Не выпуская тряпки из рук, девушка выглянула в коридор. Дверь была уже закрыта, а в доме царила тишина — ни звука шагов, ни оклика, ничего...

— Мисс Уокер! — позвала Дженнифер, однако никто не ответил.

И тут она почувствовала чье-то присутствие — позади нее явно кто-то был... Резко обернувшись, девушка остолбенела — прямо перед собой она увидела огромного зверя, напоминавшего собаку. Вернее, он мог бы сойти за собаку, если бы не стоял сейчас на задних лапах, возвышаясь над Дженнифер на добрых полметра. Бурая шерсть свисала вниз грязными ключьями, из передних лап торчали загнутые когти.

От неожиданности и страха Дженни выпустила тряпку из рук и попятилась назад. Зверь, качнувшись на согнутых задних лапах, двинулся следом, не сводя с нее мутных глаз, полных злобы. Интуитивно почувствовав, что медлить нельзя, девушка рванула в сторону и, выскочив на кухню, захлопнула за собой дверь за секунду до того, как с обратной стороны об нее тяжело ударилось громадное тело невероятного чудовища. От следующего удара дверь заходила ходуном, а со стены с грохотом слетела картина. Не теряя

времени, Дженнифер бросилась к черному ходу, перепрыгнула ступеньки и оказалась во дворе. Не сбавляя скорости, выбежала на улицу — и едва не сбила с ног миссис Браун.

— Деточка! Что случилось?

— Умоляю вас, вызовите полицию, скорее! В наш дом забрался... там какой-то зверь, он чуть не напал на меня! — закричала Дженни, хватая женщину за руку. — Прошу вас, скорее!

На круглом лице миссис Браун отразилось недоумение пополам с недоверием, но бледная, с горящими перепуганными глазами Дженни выглядела, похоже, слишком убедительно — женщина, достав из кармана вязаного пальто радиотелефон, набрала номер службы спасения.

...Через полчаса после того, как полиция обследовала дом, привлеченные шумом полицейских сирен соседи стали разочарованно расходиться. Дженни время от времени ловила на себе сочувствующие, заинтересованные взгляды. Краем глаза она видела, как люди перешептывались за ее спиной и качали головами. Полиция не обнаружила не только зверя, но и никаких следов его проникновения. Словам Дженнифер никто не верил — девушка понимала это, как и то, что теперь ее считают ненормальной. Будто она могла придумать ужасное чудовище в своем доме лишь ради того, чтобы привлечь к себе внимание...

Теперь ей больше ни с кем не хотелось говорить; через минуту полицейские машины уедут, и она снова останется одна, наедине с собственными страхами, наедине с тем ужасом, что притаился в доме. Притаился в надежде дожждаться ее...

Дженни смотрела на свой дом, понимая: она больше не сможет чувствовать себя в нем в безопасности. Он перестал быть ее защитой — его окна выглядели угрожающе. И никто не заставит ее снова войти туда...

Глава 5. Случайный прохожий

Уильям любил пешие прогулки. И не только потому, что они полезны для здоровья. Где, как не на улице, можно спокойно поразмышлять? Хотя это немного странно — для того, чтобы побыть наедине, нужно смешаться с толпой... Он даже на работу предпочитал ходить пешком, пересекая несколько кварталов между своей родной Гарден-стрит и вечно суетливой Винд-роуд. Но для вечерних прогулок, неизменным компаньоном которых был его любимец — итальянский мастиф Радж, Уильям выбирал тихие улицы или зеленые скверы. Благо, в городе их было немало.

Вот и сейчас он забрел на одну из таких — уютная улочка с французским названием Канталь

очень нравилась ему. Уильям любил неспешно прохаживаться мимо аккуратных дворишков с зеленеющими газонами и цветочными клумбами. И было приятно, когда нечастые прохожие с некоторым удивлением обращали внимание на его питомца. Размерами Радж обладал отменными; двигаясь, он не просто, как другие собаки, перебирал лапами по дороге, а выступал величаво и гордо, будто истинный аристократ. Этаким черным собачий лорд, позволяющий хозяину вести себя на поводке.

«Еще неизвестно, кто кого выгуливает», — отшучивался Уильям, отвечая на вопрос знакомых, не надоедает ли ему каждый день выводить собаку на прогулки.

Но сейчас проходим было не до них: внимание всех присутствующих приковал особняк в конце улицы, у которого стояли две полицейские машины и карета «скорой помощи».

Слегка удивленный, Уильям подошел ближе.

На лужайке перед домом, прямо на траве, подобрав под себя ноги, сидела девушка. Ее длинные светлые волосы были растрепаны, а плечи, несмотря на довольно прохладную погоду, покрывала лишь тонкая кофточка.

Тем временем несколько полицейских, стоя на крыльце, беседовали о чем-то с высоким доктором в белом халате.

— Что здесь произошло? — поинтересовался

Уильям у женщины, стоящей справа.

Она смерила его быстрым взглядом, перед тем как ответить, однако все же, видимо, сочла достойным доверия.

— Сначала говорили, что какое-то животное пробралось в дом. Но полицейские все здесь обследовали и не нашли никаких следов... Бедняжка Дженни! Она не в себе. Боится возвращаться в дом, поэтому сидит на газоне.

Уильям еще раз, уже пристальнее, взглянул на девушку — ее лицо показалось ему смутно знакомым. Где он мог ее видеть?

Она сидела неподвижно словно статуя и смотрела прямо перед собой невидящим взглядом. Эти глаза...

Кажется, именно ее он видел несколько дней назад возле театра. Она еще так пристально разглядывала Раджа... Возможно, Уильям не обратил бы на незнакомку внимания, но очень уж хорошенькой она ему показалась...

— Что же с ней произошло? — осторожно осведомился он у женщины.

— Ее родители погибли в автокатастрофе. Вчера были похороны. И теперь она осталась круглой сиротой...

Уильям отстраненно наблюдал, как к сидящей на газоне девушке подошел доктор. Склонившись над ней, он что-то говорил, но та не отвечала. Она

словно впала в ступор.

Теперь Уильям окончательно вспомнил: да, вчера на дороге, ведущей к кладбищу, он тоже видел ее. В окружении нескольких женщин, одетая во все черное, девушка казалась воплощенным ангелом печали... Если бы Уильям был художником, то наверняка нарисовал бы ее.

Доктор, осторожно взяв Дженни за руку, помог ей подняться. Они подошли к машине «скорой помощи», и дверца за ними закрылась.

— Бедная девочка! Что теперь с ней будет? — всхлипнув, женщина поднесла к глазам бумажный платочек.

Уильям, неприятно пораженный увиденным, быстро зашагал по улице Канталь.

Глава 6. Обитель скорби

Тяжеловесная туша серого здания открылась взгляду неожиданно, как только автомобиль миновал очередной поворот узкой асфальтированной дороги. Это все еще была улица Роуз, хотя казалось, что они находятся уже достаточно далеко за чертой города.

Делая неожиданные зигзаги посреди влажного соснового леса, шоссе закончилось высокими железными воротами, сквозь решетки которых виднелся большой внутренний двор и само здание.

Назвать его домом было бы почти кощунством: решетчатые окна и массивные двери, скорее, выглядели как тюремные.

Однако женщина из социальной службы, сопровождавшая Дженнифер, так, пожалуй, не думала.

— Приехали, дорогая. Это твой новый дом, пока ты не поправишься.

Девушка, молча толкнув ручку дверцы, выбралась из автомобиля. Ее сопровождающая взяла Дженни под руку, словно опасаясь, что та могла по пути потеряться, и по усыпанной мелким гравием дорожке повела к зданию с решетками на окнах.

Еще через пять минут Дженнифер покорно опустилась на предложенный стул возле высокой деревянной двери кабинета, за которой скрылась социальный работник. Наверное, их с доктором беседа не предназначалась для посторонних ушей — поэтому Дженни пришлось терпеливо ожидать здесь под молчаливым присмотром невесть откуда взявшейся медсестры с округлыми толстыми боками, на которых буквально трещал белый халат. Девушка поймала откровенно-оценивающий взгляд, отчего ей стало еще более неудобно.

Дверь распахнулась неожиданно; лицо женщины из социальной службы с натянутой усталой улыбкой склонилось над Дженнифер.

— Ты останешься здесь, дорогая. О тебе позаботятся, все будет хорошо. Ты скоро выздоровеешь. А я теперь буду навещать тебя.

Дженни, наверное, следовало изобразить в ответ признательность, но она лишь молча опустила глаза. Сейчас ей были абсолютно чужды все глупые правила приличия, придуманные людьми. Поэтому она должна остаться в психиатрической клинике. А социальный работник с приклеенной ненастоящей улыбкой через минуту будет от нее по ту сторону решетчатых окон. Потому что изображать доброжелательность — это нормально. А переживать горе и бояться быть одной в пустом доме — это депрессия и паранойя, которые надо лечить...

На пороге приоткрытого кабинета появился сам доктор Руфф: средних лет мужчина с глубокими залысинами на лбу. Несмотря на некоторый отпечаток возраста, его все еще можно было назвать привлекательным: широкоплечий, стройный, с правильными чертами лица и светлыми пшеничными волосами.

Вместо ожидаемого белого халата доктор был одет в безупречный черный костюм элегантного покроя и серую шелковую сорочку. Даже чересчур открытый лоб не убавлял привлекательности мужчины — наоборот, наводил на мысль о выдающемся уме этого человека — так мог

выглядеть ученый или поэт... Но стоящий перед новой пациенткой не был ни тем, ни другим — об этом говорили его глаза: колючие, цепкие, они словно хотели просветить девушку насквозь. Его взгляд в упор показался Дженнифер еще более неприятным, чем взгляд медсестры. Девушка почувствовала легкий холодок, пробежавший по ее спине.

— Заходите, мисс. — Он сделал рукой приглашающий жест, и Дженнифер ничего не оставалось, как войти в его кабинет, хотя оказаться наедине с этим человеком с глазами-колючками ей хотелось бы меньше всего на свете.

Внутри помещение выглядело намного более просторным, чем можно было предположить вначале. Высокие потолки, дорогая мебель из темного дерева, кожаное кресло с широкой спинкой — такая обстановка скорее подходила бы кабинету чиновника высокого ранга, нежели приемной доктора психиатрической клиники, находящейся на содержании государства.

— Присаживайтесь, — он снова сделал приглашающий жест в сторону второго кресла, поскромнее, что стояло рядом со столом. Водрузившись на свое место, доктор продолжал задумчиво разглядывать Дженни.

Не желая отвечать на его взгляд, девушка рассматривала кабинет: на стенах висели какие-то дипломы и грамоты в дорогих рамках — наверное, они должны были убедить каждого попавшего сюда, что здесь и в самом деле хорошая клиника, раз это подтверждает столько красиво оформленных бумажек.

Большое окно, аккуратное и светлое; через него даже видно краешек дорожки и деревья, что теснятся дальше за территорией клиники.

С трудом оторвав взгляд от окна, Дженни вдруг с удивлением заметила еще одно присутствующее здесь существо: большой белый попугай в клетке, подвешенной на крюк в углу, сидел так тихо, что поначалу она приняла его за чучело. Но вот «чучело» шевельнулось, глянуло на Дженнифер, затем быстро почесало лапой пернатый бок и снова замерло в дремоте. На секунду девушке показалось, будто она уже где-то видела эту птицу, однако при каких обстоятельствах — вспомнить не могла.

Пока Дженни изучала приемную, доктор неторопливо раскрыл папку с бумагами, которую передала ему социальный работник. Биография, пара газетных заметок об аварии, заключение полицейского врача... Вся короткая жизнь Дженнифер поместилась на нескольких официальных листах.

Бросив на папку быстрый взгляд, Дженни принялась рассматривать носки своих ботинок, не желая больше участвовать в новой игре под названием «врач — пациентка», которую ей навязывали помимо ее воли.

— *Дженнифер Паркер, 16 лет. Стала свидетелем гибели своих родителей при весьма загадочных обстоятельствах,* — продекламировал доктор, смакуя каждое слово, будто это доставляло ему удовольствие. — *Автокатастрофа. Нарушение психики в связи с пережитым потрясением.* Что ж... Наши специалисты помогут тебе снова стать здоровой... — Он вдруг молниеносно оказался за спиной Дженнифер, и его голос теперь продолжал литься словно вязкая смола уже сверху: — Ты теперь видишь чудовищ, девочка?

Дженни вздрогнула; но едва она успела поднять глаза, как доктор переместился на свое место и ручкой уже ставил какие-то отметки в ее бумагах.

Неужели это мгновенное перемещение и последние слова ей только почудились? Однако его запах — резковатый аромат дорогого мужского парфюма — кажется, все еще витал рядом с ней.

— Сестра, проводите мисс Паркер в... восемнадцатую палату, — добавил он совсем уже буднично, больше не обращая на Дженнифер никакого внимания.

Тяжелая смуглая рука с коротко обрезанными ногтями легла ей на плечо. Повинуясь, девушка поднялась и последовала за медсестрой в длинный коридор, наполненный больничными запахами — лекарств, дезинфицирующих средств, страха, боли и безнадежности.

Глава 7. Восемнадцатая палата

Двигаясь в сопровождении медсестры по длинному коридору, Дженни про себя отметила, что кабинет главврача, наверное, был здесь единственным местом, преисполненным роскоши. Мрачноватый коридор с выкрашенными в мутно-голубой цвет стенами и скрипучими досками пола выглядел изрядно обветшалым. Столь же старыми были также узкие окна, через которые вливался скупой свет пасмурного осеннего дня.

По коридору навстречу им шел высокий санитар. Он толкал перед собой коляску, в которой сгорбился одетый в больничную пижаму немолодой мужчина с отрешенным лицом. Еще два пациента в больничных халатах и тапочках, увидев шагающую рядом с Дженнифер медсестру, испуганно вжались в стену, словно хотели стать ее частью.

Скрывая волнение, девушка молча следовала за медработницей, пытаясь понять, куда же судьба

забросила ее.

Белые двери палат с облупившейся местами краской были без табличек и выглядели совершенно одинаково. Дойдя до середины коридора, медсестра остановилась возле одной из дверей и толкнула ее.

— Заходи! — кивнула она Дженни.

Девушка переступила порог... и тут же оказалась под прицелом четырех пар глаз пациентов, обративших на нее внимание.

На узких больничных кроватях палаты с такими же серо-голубоватыми стенами, как и в коридоре, она увидела двух молодых девушек и — к своему немалому удивлению — двоих парней. Кто-то из них сидел, а кто-то лежал. Все они были одеты в одинаковые зеленые больничные пижамы с широкими рукавами.

— Вот твое место, — буркнула медсестра, указывая на пустующую койку подле единственного в этом помещении окна.

Пять старых кроватей с небольшими тумбочками возле каждой составляли всю меблировку. Дженни подошла к пустой койке; тощий полосатый матрас, потрепанное одеяло и выдавшая лучшие времена подушка...

Медсестра уже повернулась, чтобы уйти, когда девушка решила остановить ее, робко промолвив:

— Извините... Но это же должна быть женская палата? Почему здесь мужчины?

— Вы тут не мужчины и не женщины, вы — пациенты, — отрезала медсестра и, словно крупногабаритный корабль, гордо выплыла за дверь.

Дженни, присев на краешек кровати, зажмурилась. «Господи, сделай, чтобы это был сон, просто страшный сон, — мысленно попросила она, едва сдерживая слезы. — Тебе ведь не сложно совершить одно маленькое, совсем малюсенькое чудо...»

Но чуда, конечно же, не произошло — открыв глаза, Дженнифер увидела, что по-прежнему находится в мрачной палате с высоким потолком и холодными стенами, в компании таких же обделенных счастьем, как и она сама.

Глава 8. Новое окружение

— Ты кто?

От прозвучавшего сквозь напряженную тишину голоса Дженни вздрогнула. Говорила, кажется, невысокая юная девушка — может, даже ее ровесница, с растрепанными черными волосами и выразительными темными глазами, взгляд которых показался Дженнифер вполне осмысленным.

— Я — Дженни, — ответила она.

В ответ ее соседка издала короткий смешок и резко мотнула головой.

— Меня не интересует твое имя, я спросила — кто ты?

Вопрос несколько озадачил Дженни. Как можно на него ответить? Как еще она может рассказать о себе? Да и что у нее осталось от прежней жизни, кроме собственного имени?

— Я обычная девушка, Дженнифер Паркер.

Черноволосая пациентка еще раз хохотнула, словно услышала нечто смешное. Смех ее начинал звучать и обрывался резко, при этом лицо оставалось абсолютно серьезным.

— Обычная девушка! Так не бывает... Иначе ты не попала бы сюда. Я вот, например, продаю цветы, необычные цветы! — Глаза черноволосой, на миг вспыхнув лихорадочным огнем, тут же погасли, и в них появилось прежнее задумчиво-тоскливое выражение. — Только у меня никто ничего не покупает, здесь все нищие... Нищие, нищие, нищие! — вдруг закричала она, махнула рукой и отвернулась к стене. Кажется, девушка вот-вот готова была заплакать.

— Прекрати грузить ее своими цветами! — огрызнулся парень с койки, что стояла посредине, у противоположной стены. — А то она еще подумает, что мы и вправду тут все сумасшедшие, —

негромко добавил он, и Дженнифер перевела на него удивленный взгляд.

Действительно, парень не казался сумасшедшим: он смотрел на Дженни спокойным осмысленным взглядом.

Юноша был среднего роста, худощавый, прямые темные волосы длинной челкой спадали ему на лоб. Его вполне можно было бы назвать симпатичным, если бы в лице не угадывалось что-то неуловимо странное. Только получше присмотревшись, Дженнифер поняла — правая половина лица не вполне соответствовала левой и выглядела слегка перекошенной. Но этот недостаток не был слишком уж отталкивающим.

— А что, разве нет? Вы... нормальные? — негромко спросила она, рискуя вызвать нетактичным вопросом какую угодно реакцию — в конце концов, она была в клинике для душевнобольных.

Пациентка, назвавшая себя продавщицей необычных цветов и только что хотевшая заплакать, повернувшись ко всем, опять засмеялась.

— Она думает — мы сумасшедшие! — выкрикнула девушка.

Между тем парень не обратил на ее крик никакого внимания.

— Ну, может, совсем уж нормальными нас и не назовешь.

Юноша слегка улыбнулся, и у Дженни сразу полегчало на душе: ведь если человек может иронизировать по поводу себя, значит, он точно не псих!

— Но мы не более сумасшедшие, чем все остальные люди. Как ты думаешь, почему ты здесь? — пристальный взгляд парня не показался Дженнифер неприятным, наоборот, было в нем что-то успокаивающее.

Девушка пожала плечами.

— Наверное, потому, что я осталась одна. И мне никто не верит...

— Одна? Ты тоже осталась одна? — вдруг присоединилась к разговору вторая девушка, которая до сих пор безучастно сидела на своей постели и даже не смотрела в сторону разговаривающих. — Тебя бросили?

Дженни заметила, что у этой девушки был особо мелодичный голос: слова слетали с ее уст так проникновенно, будто она читала поэму. Девушка была невысокой, немного полноватой, с мягкими русыми волосами, едва достигавшими плеч, и красивыми серыми глазами. Наверное, она являлась самой старшей из пациентов палаты.

— Меня не бросали. Мои родители, они... Они погибли, — тихо промолвила Дженни, опустив глаза. Сегодня она впервые произнесла вслух эту жуткую правду.

— Они тебя оставили... Бедняжка! — воскликнула сероглазая девушка и вдруг бросилась к Дженнифер с объятьями.

Немного напуганная столь бурным проявлением чувств со стороны незнакомки, Дженни все же разрешила себя обнять.

Наобнимавшись вдоволь, соседка осталась сидеть рядом. Если не считать такой эмоциональности, она тоже не казалась сумасшедшей.

— Тогда — добро пожаловать в нашу небольшую компанию! — еще раз улыбнулся парень. — Мы тоже здесь потому, что нам никто не верит. Я — Раян. Это — Эмма, — он кивнул в сторону девушки, сидящей рядом с Дженни.

— Эмма, — подтвердила та.

— София, — слегка церемонно кивнула черноволосая с койки в углу и снова стала казаться нормальной.

— А это Джастин, — Раян, поднявшись, подошел к другому парню — тот сидел неподвижно, не отрывая взгляда от окна.

Его койка стояла напротив кровати Дженни, только с другой стороны. Однако узкая казенная постель была явно маловата для крепкого, массивного тела молодого человека. Широкие плечи, бугры мышц, которые не могла полностью скрыть больничная пижама, короткие светлые

волосы ежиком... Парень казался заколдованным богатырем, превращенным в беспомощного пациента чьими-то злыми чарами.

— Эй, Джастин, повернись к нам! А то наша новая соседка решит, что ты невежлив, — Раян положил руку ему на плечо.

Молодой человек, словно очнувшись, немного повернул лицо в сторону Дженни. Бросив на нее быстрый взгляд, он вдруг стушевался. На его широком спокойном лице появилась смущенная, робкая, почти детская улыбка. Заморгав, верзила потупил взгляд и пробормотал нечто, напоминающее «здрасьте».

Видимо, добившись от него желаемого, Раян удовлетворенно вернулся на свое место.

— Ты не бойся его, он добрый. И тоже нормальный. Только стеснительный очень с девушками и порой забывает, кто он такой. Но мы ему об этом напоминаем — правда, Джастин?

Тот лишь кивнул головой и снова исподтишка взглянул на Дженни. Теперь он перестал казаться ей угрожающим, несмотря на свою скрытую силу. Как, впрочем, и другие пациенты из восемнадцатой палаты. Мысленно девушка вздохнула с облегчением. «Кажется, не все так плохо, как могло быть», — решила она, уже без особой опаски глядя на своих новых знакомых.

Глава 9. Долгий день

То ли доктор не спешил начинать лечение Дженни, то ли в отношении новой пациентки у него были какие-то особые планы, однако до обеда никто больше ее не побеспокоил.

Больным полагалось питаться в небольшой, пропахшей пригоревшим луком столовой, окна в которой располагались столь высоко, что заглянуть в них можно было, лишь подпрыгнув или взлетев. Два санитары, стоявшие у входа, мрачно наблюдали за пациентами, неспешно заполнявшими больничную трапезную. Некоторых привозили в колясках; большинство приходили сами.

Восемнадцатая палата занимала отдельный столик. Юркнув на свободный стул, Дженни уткнулась в свою тарелку, исподтишка наблюдая за остальными обедающими. Наверное, трудно было бы найти место, обитатели которого так разнились бы между собой и в то же время выглядели бы настолько неуловимо похожими друг на друга. Здесь находились люди разного возраста и пола, с застывшими, отрешенными лицами или, наоборот, горящими глазами и нервными движениями. Одни набрасывались на пищу (слабосоленую кашу, политую подливкой непонятно из чего) с жадностью зверей — и мигом съедали все. Другие, наоборот, кажется, совсем не замечали тарелку;

просидев за столом с полчаса, они удалялись, оставив еду нетронутой. К некоторым подходили санитары и, сунув в руку ложку, заставляли есть. Таких безучастных, почти не владеющих собой пациентов, здесь называли «овощами». Были среди них и те, кто пытался есть самостоятельно, однако с трудом удерживал ложку в трясущихся руках.

Подобная проблема, как исподволь заметила Дженнифер, мучила и Раяна — парень старался преодолеть легкую дрожь в руках, но это не всегда получалось. Перехватив взгляд девушки, он вздохнул немного смущенно.

— Чертов нерв у меня в спине! Это он превращает мое лицо в карикатуру и мешает нормально двигаться. Что-то там воспаляется, защемляет его... А господа умные доктора так и не могут понять, из-за чего именно все это происходит и что вызывает подобную реакцию организма. — Не в силах совладать с рукой, которая начала трястись еще больше, Раян с досадой бросил ложку. — И поэтому вместо учебы я должен минимум по два раза в год торчать в разных клиниках, пока моему «спиногрызному» нерву не надоест портить мне жизнь и он не решит на время успокоиться...

— Так ты давно здесь? — робко спросила Дженнифер.

— Не очень. Наверное, месяца три — тут у

меня плохо получается считать время. Здесь оно идет по-другому, не так, как там, — парень кивнул на решетчатое окно.

Взглянув туда же, Дженни вздохнула. Она еще и дня не пробыла в этой клинике, но уже чувствовала, как подкрадывается прямо к сердцу непроглядная тоска. Тоска по свободе, которую отняли у нее непонятно за какие грехи...

Оставив посуду на столах, больные по одному и группами уходили из столовой — их ждал обязательный послеобеденный сон. Восвояси поплелись и обитатели восемнадцатой палаты.

Когда они вернулись, койка Дженни была уже заправлена постельным бельем, если можно именовать бельем застиранную до дыр серо-белую простыню и пододеяльник. А подушка, воссоединившись с наволочкой, словно еще больше сжалась, и от нее теперь сильнее разило лекарствами и пылью. Девушка вздохнула, вспомнив свою уютную кровать и любимый валик, который предпочитала брать с собой, когда доводилось ночевать где-нибудь в гостях. Впрочем, такое случалось довольно редко — родители не очень тесно общались со своими друзьями...

Воспоминание о матери и об отце опять накрыло ее волной грусти. Чтобы отвлечься, Дженни решила переключиться на своих новых знакомых, но они все, как по команде, уже нырнули

под одеяла.

— Ложись и ты! — посоветовала Эмма из своего угла.

— Но я не хочу спать. Никогда не ложилась днем, с тех пор как мне исполнилось пять лет.

— Придет Игла и устроит взбучку, если ты не будешь в кровати, — добавила София.

— А кто она такая?

— Сейчас увидишь, — многообещающе прошептала девушка, свернувшись в калачик под своим тощим одеялом.

Почти одновременно с этим дверь в палату резко распахнулась и на пороге возникла дородная медсестра — нисколько не меньше в объёме той, что привела сюда Дженни. Разве что эта была старше — лет под пятьдесят, с еще более неприятным лицом.

«Она скорее напоминает шар, чем иглу, — подумала Дженни, увидев вошедшую медработницу. — Чем их тут кормят?»

Но объёмы никак не влияли на скорость — потому что названная Иглой медсестра очутилась возле Дженни за долю секунды и, больно ухватив ее за плечо, повернула к себе.

— Ты новенькая, и тебе, должно быть, еще не объяснили правил, — прошипела она прямо в лицо девушке. От дыхания Иглы разило луком и еще чем-то, похоже, спиртосодержащим. Но самой неприятной деталью были настоящие жесткие усы, волоски которых торчали над ее верхней губой в разные стороны, напоминая щетину щетки для чистки обуви. — Поэтому сегодня я не стану тебя наказывать, — продолжала дальше медсестра, нависнув над девушкой всей своей тушей. — А теперь слушай сюда и запоминай: отбой — это значит, что все забились в свои норы и спят, никто не шатается по палате и не маячит в коридоре... И не шепчется! — бросила она уже другим обитателям восемнадцатой, похоже, еще больше вжавшимся в свои койки.

Замер даже широкоплечий Джастин, хотя он, наверное, при желании одной левой мог бы выбросить эту неприятную особу за дверь.

Грубые пальцы больно впились в руку девушки.

— Я — миссис Вуд, и теперь я буду присматривать за тобой. А теперь — надевай пижаму, как все, и под одеяло! — прошипела Игла и оттолкнула Дженни.

Только сейчас девушка увидела лежащую на постели одежду — бесформенную рубашку, штаны

и халат — всё полинявшего серо-болотного цвета, который в лучшие времена был, наверное, зеленым.

Игла не спешила уходить — по-видимому, она ждала, когда пациентка переоденется.

Делать было нечего: Дженни поспешно сменила свою одежду на малоприятную больничную, и медсестра тут же схватила ее свитер и джинсы.

— Когда выздоровеешь, тогда и получишь обратно, — прокомментировала она свои действия с ядовитой усмешкой и захлопнула за собой дверь.

Именно в этот момент, в больничной одежде, свернувшись под казенным одеялом, Дженни почувствовала, что становится частью того места, в которое попала.

Глава 10. Тень ворона и беспокойная НОЧЬ

Время после сна, именуемое миссис Вуд «досугом» (она действительно присматривала за ними, вернее — за соблюдением правил), произвело на Дженнифер, пожалуй, самое тягостное впечатление, если сравнивать со всем остальным, что она увидела здесь. Пациентов попросту согнали в одну большую комнату, где на почетном месте — тумбочке — стоял старый телевизор. Вокруг него, на истрепанном временим коврикe, в несколько

рядов располагались стулья. Под стенами сиротливо горбилась пара маленьких столиков, больше напоминающих детские. На одном из них стояла шахматная доска, на другом были карандаши в стаканчике и листы бумаги. Правда, к столикам никто из больных не подходил. Весь «досуг» заключался в том, чтобы смотреть телевизор, что пациенты и делали.

Кто-то действительно смотрел (показывали какой-то комедийный сериал), остальные же просто сидели с отсутствующим видом — однако это, кажется, совсем не имело значения.

Взлохмаченный старичок в крайнем ряду начал было что-то выкрикивать, но к нему моментально подбежал хмурого вида санитар с большим отвисшим животом и не церемонясь залепил бедняге смачную оплеуху — голова старика дернулась, и он тут же умолк. Санитар с грозным видом постоял возле него еще немного, угрожающе обвел остальных взглядом и удалился в кресло у противоположной стены, откуда было удобно наблюдать за всеми. Рядом с ним расположился еще один тип в костюме охранника, который тоже, видимо, следил за порядком в «час досуга».

Этот час показался Дженнифер ужасно длинным и нудным — она не любила сериалы, особенно с плоскими шутками и смехом за кадром

— словно режиссер «заботливо» указывал недогадливым зрителям, в какой момент следует смеяться... Но выбора у нее, как и у всех остальных, не было. Правда, сосредоточиться на деталях фильма тоже не получалось — двое или трое пациентов, сидящих рядом, что-то постоянно бормотали себе под нос, отчего разобрать слова с экрана было невозможно. Однако делали они это все же не настолько громко, чтобы получить оплеуху от толстяка санитаря.

Когда пытка сериалом закончилась, тем больным, кого не забрали на вечерние процедуры, разрешили погулять: это означало, что можно послоняться по коридорам, еще посидеть перед тем же телевизором или идти в свою палату.

После ужина, состоящего из молочной каши, половинки булочки и компота, пришел час «гигиенических процедур» и подготовки ко сну. Очередным неприятным открытием для Дженни стала душевая — ржавые скрипучие краны, разбитая плитка на полу и дверь, которая не закрывалась изнутри.

И хотя за все это время Дженнифер не делала абсолютно ничего, что могло бы ее утомить, под конец растянутого, будто старый бесформенный свитер, дня, она чувствовала себя совершенно измотанной. Поэтому, когда появилась Игла с подносом лекарств и протянула ей какие-то две

таблетки, девушка покорно их выпила, даже не поинтересовавшись, для чего они и как называются.

— Лучше бы доктор прописал тебе уколы, но пока начнем с таблеток, — с ехидной улыбочкой негромко произнесла Игла над самым ухом Дженни — так, словно разговоры об уколах и таблетках доставляли ей настоящее удовольствие.

Остальные обитатели восемнадцатой тоже покорно приняли свою долю лекарств и, не дожидаясь лишней ругани, разместились на кроватях.

Когда погасло электричество, единственным светлым пятном в темной палате осталось окно, через которое с улицы пробивался мутный свет желтого фонаря. Свернувшись калачиком, Дженни долго смотрела на этот фонарь. Сон никак не шел к ней, и невеселые мысли затеяли свой обычный хоровод. Что ждет ее дальше? Действительно ли она сошла с ума, или то, что видела, было на самом деле? А если так, то что из этого лучше?

На новом месте засыпалось плохо: незнакомые звуки, больничные запахи, сама обстановка, словно наэлектризованная нездоровыми эмоциями, томящимися, не находящими себе выхода в этих стенах. Дженнифер то плотно смыкала веки, пытаясь погрузиться в спасительный сон, убежать в его теплые аморфные глубины, то опять приоткрывала глаза,

прислушиваясь к каждому новому шороху, будто напуганный маленький зверек. И как она не убеждала себя, что опасаться нечего, что здесь ей окажут квалифицированную помощь и помогут забыть пережитые кошмары, — голос разума звучал не очень убедительно. А фантазия, не жалея мрачных красок, рисовала весь ужас ее теперешнего положения — пациентки психлечебницы. И в тяжелом, подчас словно напряженном дыхании других больных в палате, и в малейшем шорохе за дверью ей виделись настороженные глаза — по ту и по эту сторону двери. Как будто вся эта больница, даже своими стенами, смотрела на Дженни отовсюду, пытаясь проникнуть в ее мысли. Словно вновь и вновь задавала один и тот же вопрос: «Кто же ты, Дженнифер Паркер?»

Резкий звук заставил девушку вздрогнуть и вывел из подступающей было дремоты. Дженни взглянула в окно — на карнизе сидел огромный ворон. Птица смотрела через стекло красными глазами-углями. Сжавшись от страха, Дженни зажмурилась. Может, это просто снится ей? Она больно ущипнула себя за руку и снова посмотрела в окно. Птица все еще была там, только теперь не была клювом в стекло, а ходила взад-вперед по карнизу, будто искала возможность попасть внутрь.

— Уходи, — прошептала Дженнифер. —

Убирайся отсюда! Что тебе от меня надо?

Ворон не отвечал, продолжая метаться по карнизу, как заведенный.

Соседняя койка жалобно скрипнула под весом Джастина — он приподнялся и посмотрел в окно. Дженни, забыв о страхе, села на кровати. Нет, она не ошиблась — глаза соседа пристально глядели на птицу.

— Джастин, ты тоже его видишь? — негромко спросила девушка, но тот не ответил, продолжая следить за вороном.

Ночной гость, еще раз ударив мощным клювом в стекло, вдруг поднялся в воздух и пропал — так же неожиданно, как и появился. Парень по-прежнему не двигался, устремив глаза в светлеющий проем окна. Поняв, что дожидаться от него ответа бесполезно, девушка вздохнула и снова забралась под одеяло.

— Он часто прилетает, — вдруг негромко сказал Джастин, не поворачиваясь к ней.

Дженни тут же подхватила.

— Значит, ты видел его? Джастин, скажи мне, кого ты видел? Прошу тебя! — едва не закричала она, однако он оставался таким же невозмутимым. — Умоляю, скажи мне, что ты видел?! Это очень важно для меня! Пожалуйста...

Ступая босыми ногами по холодному полу, девушка подошла к парню и заглянула ему в лицо.

Глаза Джастина оставались затуманенными, словно его сознание, как небо за окном, обволакивала дымка.

— Что ты видел?

Он молчал.

— Я видел черного ворона, — ответил наконец, все так же не глядя на Дженнифер.

— Благодарю... — произнесла потрясенная Дженни.

Вернувшись к своей постели, девушка в изнеможении опустилась на нее. Словам парня можно было верить — откуда ему знать о том, что именно видела за окном она. Значит, это кошмарное видение посетило их обоих...

— Но ведь так не бывает, чтобы два человека видели одинаковые галлюцинации, — прошептала Дженнифер самой себе. — Даже если эти люди не совсем здоровы. Тогда получается, дело вовсе не в том, что со мной что-то не так... Может, что-то не так со всем остальным миром?

Глава 11. Замкнутое пространство

У Раяна была немного странная походка — когда он шел, создавалось впечатление, будто передвигается не по твердому полу, а по шаткой палубе корабля, который движется, рассекая волны.

Парень не мог ходить быстро, но это совсем

не помешало ему показать Дженни (насколько было возможно) все уголки старого здания больницы.

На первом этаже размещались палаты больных, кухня и столовая, а также несколько помещений, где пациентам разрешалось проводить время — комната с телевизором и еще одна, похожая на большой зал со стульями и креслами.

На втором располагались кабинеты докторов, а их, кроме главврача — доктора Руффа, было еще несколько; правда, Дженни пока не успела запомнить эти имена. Ее лечащим врачом стал сам Руфф; как оказалось, он лечил всех обитателей восемнадцатой, и другие доктора просто не обращали на них внимания.

Комнаты персонала также находились на втором этаже. Что было на третьем — даже для Раяна оставалось загадкой. Вроде бы этаж был необитаем; в любом случае, единственная лестница на него заканчивалась массивной железной дверью, запертой на ключ. Но даже на второй этаж попасть снизу казалось непростой задачей — туда можно было подняться с коридора на лифте, который закрывался тяжелой решеткой, или по широкой лестнице мимо охраны со стороны парадного входа.

Общение с парнем стало для Дженнифер единственной отдушиной в этом унылом месте, хотя и Раяну она не могла полностью доверять. И о той своей встрече с черным вороном, замеченным

не только ею, Дженни еще не говорила ему.

Жизнь здесь текла по своему особому руслу, вызывая у девушки массу вопросов, ответов на которые она пока не находила.

Пациенты жили согласно строгому расписанию; любое нарушение тут же пресекалось, и за ним следовало наказание. Санитары имели над этими, частично запуганными, отчасти живущими в мире собственных грез, людьми если не безграничную, то весьма обширную власть.

Например, никто не мог запретить толстому и хмурому, с бородавкой на щеке, Айвену запросто открыть любую тумбочку и проверить, есть ли в ней что-нибудь съестное. И когда он находил там что-то подходящее — не медля забирал это без всякого предупреждения.

Его тощий напарник Лео был гораздо веселее и разговорчивее, но он обладал куда более неприятной слабостью, приставая ко всем женщинам без разбору. Эта парочка, по-видимому, отвечала за тот сектор коридора, к которому относилась восемнадцатая, потому что именно они вваливались в палату в любое время.

Такой же властью обладала и ненавистная пациентам усатая медсестра, прозванная больными Иглой за явно нездоровую страсть к уколам.

Но более всего удивляло Дженни отсутствие какой-либо психотерапии; ей давали таблетки, и на

этом все лечение заканчивалось. После того первого визита в кабинет доктора Руффа повторной аудиенции у него Дженнифер так и не дождалась. Как ни странно, похожее лечение применялось ко всем обитателям восемнадцатой, хотя их проблемы выглядели по-разному. Они покорно придерживались распорядка дня, принимали таблетки и... жили каждый собственной жизнью. Общаясь со своим новым другом, который, к большому облегчению Дженни, действительно не страдал другими отклонениями, кроме, как он выражался, «спиногрызного нерва», она вкратце узнала истории всех своих сотоварищей по палате.

София — бывшая наркоманка, расстройство ее психики произошло в результате очередной передозировки, после чего девушка и попала сюда. Эмма пыталась покончить с собой из-за несчастной любви. Что случилось с Джастином, доподлинно неизвестно; в прошлом боксер, он якобы повредился рассудком после неудачного боя.

Что касается других пациентов клиники, то они были разными — Дженни приходилось наблюдать и абсолютно, на первый взгляд, нормальных людей, и стопроцентно умалишенных, от одного вида которых по коже начинали бегать мурашки.

Но теперь девушка точно поняла — никакая она не сумасшедшая. И те видения, чем бы они ни

были вызваны, больше не повторялись, а все, до сих пор сумбурно бродящие в душе силы, беспорядочные мысли в голове сходились в одном — это место точно не для нее. Если она что-то и сможет тут сделать, так это сойти с ума по-настоящему. И потому ей следует найти способ поскорее покинуть клинику, доказав, что она нормальный человек.

Глава 12. Когда тебя не слышат

Инспектор социальной службы выполнила свое обещание, навестив Дженнифер через три дня после того, как поручила заботу о ней докторам клиники. Наверное, прежде чем встретиться с Дженни, она побывала у главврача — девушке пришлось не менее десяти минут ожидать ее в тесной комнатенке для посетителей.

Когда наконец высокая кудрявая мулатка, поздоровавшись с Дженнифер, села в кресло напротив нее, санитар, до этого безмолвно стоящий в дверях, оставил их наедине.

— Как ты, малышка? — Губы женщины растянулись в улыбке, что снова показалась Дженни фальшью.

Но, несмотря на это, поспешно оглянувшись на дверь, девушка решила на откровенный разговор с инспектором.

— Мне здесь не место! — горячо заговорила Дженни, глядя в глаза собеседнице. — Это ошибка... Я здорова!

Мулатка снова улыбнулась и мягко возразила:

— Дженни, думаю, как только ты будешь полностью здорова, доктор Руфф больше не станет тебя здесь задерживать...

— Доктор Руфф ничего не делает для того, чтобы вылечить меня! — выкрикнула девушка, но тут же опять заговорила тише: — Никто тут не занимается моим лечением. Они пичкают меня какими-то таблетками, вот и всё. Ни один сотрудник этой клиники даже не поговорил со мной за то время, что я здесь!

— Но, девочка, ты только что сама сказала, что тебе назначили таблетки. Скорее всего, доктор пока не видит надобности в других методах терапии, кроме медикаментозной...

— Здесь у всех одинаковая медикаментозная терапия! Нас заставляют принимать таблетки, а буйных обкалывают какой-то гадостью, чтобы они вели себя тихо... Нас никто и не пытается лечить по-настоящему! — воскликнула девушка.

— Но, милая, ты же не доктор, чтобы определять, чем и как лечить больных, — в голосе социальной служащей уже угадывалось скрытое раздражение. — Ты лучше расскажи, как себя чувствуешь? Есть у тебя какие-нибудь жалобы,

кроме претензий по поводу неправильных методов лечения доктора Руффа?

Дженни умолкла, понимая, что ее слова произвели на инспектора эффект, противоположный тому, которого она добивалась. И теперь, чтобы не усугубить ситуацию еще больше, ей важно было взвешивать свои слова перед тем, как их произносить. Она хотела было сказать, что ее поселили в общую палату, где пребывают и юноши, и девушки, но вовремя передумала — а что если после этого ее из уже ставшей привычной и мирной восемнадцатой переведут к каким-нибудь буйно помешанным женщинам? Этого Дженнифер хотелось бы меньше всего.

О том, что один из санитаров шарит в тумбочках и забирает еду, она тоже решила не говорить. Ведь что бы она ни сказала теперь, инспектор будет искать в ее словах признаки бреда душевнобольной...

— У меня нет жалоб, но есть одна просьба. Вы не могли бы разыскать кого-нибудь из моих родственников? Наверняка кто-то должен быть, кому небезразлично, что со мной, — с надеждой вымолвила Дженнифер и тут же быстро добавила: — Понимаете, мне бы очень хотелось, чтобы меня проведаль кто-нибудь из родни.

— Хорошо, деточка, я постараюсь выполнить

твою просьбу, — инспектор еще раз улыбнулась своей профессиональной улыбкой и, плохо скрывая облегчение, поднялась с кресла. Видимо, она посчитала, что уже выполнила свой служебный долг в отношении Дженнифер Паркер.

Девушка смотрела на нее и вдруг явно осознала: все ее надежды достучаться до этой женщины и попросить помощи напрасны. И не потому, что Дженни — действительно сумасшедшая, просто этой особе безразлична ее судьба. Для нее она лишь пациентка психиатрической клиники, а значит, куда проще и правильней поверить доктору, чем ей, Дженнифер Паркер...

Возвращаясь в сопровождении санитаря в свою палату, девушка размышляла о том, захочет ли кто-нибудь из родственников помочь ей. Раньше она как-то не задумывалась, почему родители нечасто ходили и ездили в гости или принимали гостей у себя. У нее, безусловно, должна быть какая-то родня. Но, честно говоря, об этих родственниках, если они и были, Дженни ничего не знала. Ей смутно помнилось, что несколько лет назад к ним приезжал пожилой военный, который, похоже, был родственником отца. И тетя, подарившая Дженнифер куклу, — кажется, она являлась родственницей по линии матери. Но почему эти люди не приехали к ним снова, девушка

не знала. Окруженная любовью и заботой родителей, она совсем не чувствовала нужды в общении с другими родственниками. У нее были свои знакомые, подруги в классе, и до сих пор она жила в собственном маленьком уютном мирке. Жила, пока его не разрушил до основания несчастный случай...

Вернувшись в палату, она тоскливым взглядом обвела больничные стены, на которых местами отошла штукатурка, убогую койку и, как всегда, неподвижно застывшего Джастина... Дженни заплакала. Слезы сами катились из ее глаз, остановить этот поток у нее не было сил. Никому она не нужна. Никто не придет, чтобы вызволить ее отсюда, из этой западни, из этой ловушки...

На плечо девушки легла чья-то теплая ладонь. Обернувшись, Дженнифер совсем рядом увидела лицо Раяна.

— Дженни, тебя кто-то обидел? Что случилось?

— Никто не придет за мной... И никто меня не вылечит. Мои кошмары... Я не сумасшедшая! Это что-то другое. Я чувствую себя в ловушке... Мне никогда отсюда не выбраться, — горячо зашептала она, путаясь в словах сбивчивых фраз. — Кажется, здесь я точно сойду с ума...

Раян вдруг обнял ее за плечи, утешая, и девушка не оттолкнула его. В этот миг,

прижавшись к худому, еще полумальчишескому плечу парня, она почувствовала минутное облегчение.

— Не плачь. Все будет хорошо! Вот увидишь... — произнес Раян настолько уверенно, что Дженнифер изумленно взглянула на него. А затем он тихо добавил: — Дождись ночи...

Неужели он знал что-то, чего не знала она, Дженни? С губ девушки уже готовы были сорваться вопросы, но Раян торопливо удалялся от нее своей раскачивающейся походкой.

Глава 13. Заговорщики

Едва в палате погас свет, Дженни тут же шепотом позвала Раяна. Однако парень только шикнул на нее: «Еще рано!»

Дальше время тянулось со скоростью улитки, а соседи по палате так и не выказывали никакого желания пообщаться. Может быть, Раян просто разыграл ее? От таких мыслей девушке стало горько. А еще притворяется эдаким героем-спасителем, берет на себя смелость утешать ее, словно и вправду может хоть что-нибудь сделать!

Из гордости Дженни решила молчать, но минуты шли — а в палате по-прежнему висела тишина. Когда Дженнифер уже совсем было

потеряла надежду, она вдруг услышала тихий голос Раяна:

— Дженни! Ты не спишь?

— Я — нет. Но, кажется, спят все остальные. Те, кто должен был посвятить меня в великую тайну, — не удержавшись, съязвила она.

— Я не сплю, — вдруг подала голос Эмма, и он совсем не был сонным.

— Я тоже, — с другой стороны отозвалась София.

Обе девушки и Раян, озираясь, к большому удивлению Дженни, сели на своих постелях.

— А я-то думала, что вы видите уже пятый сон, — созналась она, тоже усаживаясь и укутав плечи одеялом — ночью в палате было достаточно прохладно. — Вы так тихо лежали...

— Игла и Айвен часто подслушивают под дверь — мы их не раз замечали за этим занятием. Надо было молчать до тех пор, пока им надоест шататься и они отправятся спать.

— А откуда вы знаете, что они ушли? — Дженни недоверчиво переводила взгляд с девушек на Раяна.

— У меня отличный слух, — усмехнулась Эмма. — Когда-то я занималась музыкой и пением... Я даже могу услышать, как бьется сердце. Особенно — влюбленное сердце, — мечтательно протянула Эмма своим мелодичным голосом, и

Дженни пришлось сдерживать раздраженный вздох. — Но у этих, что держат нас тут, я не слышала стука сердца — ни у кого. Должно быть, они никого не любят, — добавила девушка с искренней грустью. — Зато я ощущаю их дыхание, дыхание по ту сторону. — Эмма показала пальцем на дверь.

Дженни слушала ее объяснения, с трудом в них веря. Влюбленные сердца — это вряд ли... Но вот осторожные шаги за дверью Эмма вполне могла услышать.

— Ты сказала мне, что чувствуешь, будто попала в ловушку, — начал Раян немного торжественно. — Мы все это чувствуем. Не тебя одну заперли здесь против твоей воли — нас всех привезли сюда и удерживают силой. Никто не собирается нас тут лечить так, чтобы мы стали здоровыми.

— Но почему? Ведь лечебницы существуют для...

— Мне известно, для чего существуют лечебницы вообще. Но я не знаю, зачем нужна эта. К нам относятся как к арестантам, а не пациентам. И не только к нам — у меня было достаточно времени, чтобы наблюдать за другими тоже. Я видел, как сюда привозили новых больных, однако еще ни разу — чтобы кто-то покидал эту больницу.

— Чтобы кто-то покидал ее живым, —

добавила Эмма, и от ее слов у Дженни мороз пробежал по коже.

— Но ведь это... Такого не может быть! — воскликнула она.

Все тут же зашикали на нее, пугливо озираясь на дверь.

— Тише! Нас никто не должен слышать. Если они узнают, что мы догадались...

— Безумие... — прошептала пораженная Дженни.

«Но где же и быть безумию, как не в психушке? — подумала она про себя, вглядываясь в лица своих новых товарищей. — Насколько можно им верить? Насколько вообще можно быть уверенной в их рассудке?»

— Ну и... — Дженни обвела всех внимательным взглядом. — Что же вы собираетесь делать?

— Мы не только собираемся, мы уже делаем! — с гордостью в голосе произнес Раян. В старой больничной пижаме, с непослушными вихрами на макушке и с горящими надеждой глазами, сейчас он выглядел немного нелепо. — Мы убегаем отсюда!

— То есть... — Дженни с недоумением взглянула на парнишку. — Ты хотел сказать: «мы убежим отсюда»?

— Мы уже убегали несколько раз, —

поспешно произнесла Эмма, придя на выручку Раяну. — Но только нас всегда ловили... — тут же грустно добавила она, понутив голову.

— И как же далеко вам удавалось убежать?

— До конца коридора, — неприятно усмехнулась София. — Я говорила им, — она кивнула в сторону своих собратьев по несчастью, — нельзя неизменно бежать одним и тем же путем. Но они меня не слушали...

— И что же было, когда вас ловили? — тихо спросила Дженни.

В палате повисло молчание.

— Всегда одно и то же — карцер, — наконец отозвалась София.

— Да, этот ужасный карцер, — жалко заскулила Эмма. — А потом — еще более ужасные уколы, от которых хочется лезть на стену...

— Может, ваш план побега был не слишком хорош? — осторожно осведомилась Дженни. — Возможно, стоило его поменять?

— Не было никакого плана, — Раян упрямо мотнул головой. — Мы просто бежали, и всё. Потом нас ловили... Но мы и дальше будем убежать — ведь должно же нам когда-нибудь повезти!

«Как это глупо! — подумала Дженнифер. — Пойти на такой рискованный шаг, ничего не продумав и не составив плана действий...»

София словно уловила ход ее мыслей.

— Тут есть еще одна загвоздка, — сказала она. — Эта больница... как будто живая. Они заранее чувствуют, где нас ждать...

— Да-да-да, — закивала Эмма. — Они тут... Они всё видят. Особенно ночью...

— Ну а ваши родители? Ваши родные, которые...

София снова хохотнула тем своим неприятным смешком, что портил впечатление о ней.

— А где *твои* родители? — спросила она.

Дженни нахмурилась.

— Я уже говорила вам, что...

— Никто не собирался тебя обижать, — примирительно замахал руками Раян. — Просто она хотела сказать, что мы все здесь в таком же положении, как и ты. Я лечился в другой клинике, пока моя мама... — Он отвел взгляд, не желая выдавать своих чувств. — В общем, ни о ком из нас некому заботится. Мы сами по себе.

— Я не одна! — воскликнула Эмма и нервно повела плечами. — У меня есть мой жених, Алекс, он ждет меня! Он ждет, что я отсюда выберусь и мы поженимся...

— Хорошо, Эмма, — прервал ее Раян. — Мы говорим сейчас о своем намерении убежать отсюда. И неважно, что у нас не получалось раньше; мы будем делать столько попыток, сколько нужно,

чтобы удрать из этой больницы. И хотим, чтобы Дженни была с нами. Я правильно изъясняюсь? — Он обвел взглядом товарищей по несчастью, и обе девушки, и даже молча слушавший их Джастин закивали головами. — А теперь скажи мне, Дженни, — ты с нами?

Взгляды всех устремились на нее.

— Конечно, я с вами! — выдохнула Дженнифер, вдруг почувствовав, как лучик надежды коснулся ее смятенного сердца. — Но мы должны составить четкий план побега, иначе нас опять схватят. И одним карцером дело, может, и не кончится — нас просто разбросают по разным палатам, определяют к буйно-помешанным...

Ее слова возымели действие — похоже, такого поворота событий никто не желал.

— Итак, расскажите мне, что может пригодиться нам для побега. Мы соберем все факты, а затем придумаем, как надо действовать, — решительно произнесла Дженнифер, еще не осознавая, что сейчас именно она становится лидером этой маленькой компании отчаянных людей, жаждущих обрести свободу.

— Мы пытались пробраться к выходу в конце коридора — там находится лифт. Таким путем сюда все и попадают. Однако, даже если в коридоре никого нет, нас будто бы поджидают — охранники появляются словно из-под земли, что не дает нам

возможности хотя бы исследовать замок на решетке...

— Но как же вам удавалось выбраться из палаты?

— Каждый раз — по-разному, — пожал плечами Раян. — Однажды медбрат забыл запереть дверь, в другой раз — Джастин просто сломал замок...

— Понятно, — задумчиво произнесла Дженнифер. — А вам не приходило в голову выйти через кухню?

— Через кухню? — растерянно повторил Раян. — Разве там есть выход?

София вдруг хлопнула себя по лбу:

— Ну конечно! Из кухни должен быть отдельный выход — черный ход. Не будут же работники таскать продукты теми же коридорами, где разгуливают психбольные... Молодец, Дженни! Я сразу сказала Раяну, что ты — сообразительная девчонка!

Дженнифер никак не отреагировала на похвалу — сейчас ей было не до комплиментов.

— Что вам известно о работе кухни и поварах? Можно ли найти какой-то контакт с ними?

— Там работают двое — повар Джек и его помощник Саймон, — послушно отчитался Раян. — Саймон, он... В общем, он какой-то странный. Не думаю, что с ним возможен контакт... Но полагаю,

это и не понадобится: по субботам помощник куда-то уезжает и Джек остается один. После обеда, как вы знаете, санитары заняты тем, что разводят «овощей» по палатам. В общей суматохе, мне кажется, не так сложно пробраться на кухню. А с одним Джеком мы впятером справимся. И выйдем через черный ход, когда этого никто не будет ждать.

— Но после обеда нас сразу же заставляют ложиться спать, поэтому пропажу обнаружат очень быстро, — сообразила Дженни. — Так что, если это делать, то лишь после ужина.

— Правильно! — поддержала ее София.

— Неужели у нас наконец-то получится? — мечтательно протянула Эмма.

Дженни постаралась вернуть их в реальность:

— Для того, чтобы получилось, нужно продумать все до мелочей... Да и то — успех никто не гарантирует. Однако у нас будет хотя бы шанс... Допустим, нам удастся выбраться из больницы. А дальше? Перелезть через ограду не так-то просто.

— А зачем лезть через ограду, если можно попробовать бежать через лес?

Подумав, Дженни кивнула.

— Кажется, когда меня везли сюда, я видела железную ограду лишь возле здания клиники. Вероятно, если пойти через лес, мы сможем выйти к дороге.

— Тихо! Похоже, кто-то идет! — пискнула Эмма, тут же нырнув под одеяло.

Ее примеру последовали остальные, и как раз вовремя — замок щелкнул, а в дверном проеме появилась упитанная физиономия Айвена. Санитар быстро окинул взглядом восемнадцатую, но не обнаружил ничего подозрительного. С минуту потоптавшись на пороге, он неопределенно хмыкнул и захлопнул дверь.

Еще несколько минут в палате царила тишина. В полумраке, разбавленном мутным светом уличного фонаря за окном, Дженни разглядела лицо Раяна, обращенное к ней. Долгий взгляд юноши казался продолжением недавнего разговора.

«Все будет хорошо, — говорили его глаза. — Теперь, когда ты с нами...»

«Я хочу в это верить, — так же, без слов, ответила Дженни, пристально глядя на него. — Очень хочу...»

Засыпая, она все еще чувствовала взгляд Раяна. Это был взор надежды и восхищения — паренек безоговорочно передал свое лидерство в опасной операции побега ей, Дженни. Теперь она отвечала за все.

Глава 14. Цветы на продажу

Проснувшись Дженни от того, что в палате звучали голоса. Но, пробудившись окончательно, девушка поняла: голос только один и принадлежит он Софии. Правда, никогда раньше она не слышала, чтобы та говорила подобным образом — София вообще была не слишком многословной, в отличие от любительницы поболтать Эммы.

Дженни открыла глаза и, немного привыкнув к темноте (фонарь за окном уже не светился), попыталась разглядеть говорящую. Сначала она подумала, что соседка просто болтает во сне, однако, приглядевшись, увидела — девушка сидит на постели, вполоборота к своему невидимому собеседнику.

— Поймите меня правильно, я не могу ничего продать не потому, что я плохая продавщица. Просто тут все нищие и никто не может купить у меня ваш товар!

Что отвечал видимый только Софии собеседник, слышала, наверное, тоже лишь она. Но, вероятно, действительно слышала — потому что сперва молча кивала, а потом протянула руки, будто разглядывая в них что-то.

— Какая красивая роза! Что это? Безответная любовь? И потому у нее кровь на лепестках? Да, конечно, любовь нужна всем, но безответная... —

Девушка протянула руку в пустоту, словно возвращая цветок кому-то. — Вряд ли кто-то захочет ее купить у меня, — она с сомнением покачала головой. — Безответная любовь приносит одни страдания. Никто не возьмет ее и даром... А это? Что вы говорите? Искренность? Вот эта простенькая ромашка? — София засмеялась своим нервным смешком, прозвучавшим в гробовой тишине палаты почти угрожающе.

От этого странного разговора у Дженни мурашки побежали по спине. Она оглянулась по сторонам — не слышит ли Софию еще кто-нибудь? Но остальные спали. Дженни тоже сочла за лучшее притвориться спящей. Хотя не слушать дальше она не могла.

— Извините меня, но кому нужна искренность в нашем лживом мире? Ее сочтут такой же ничтожной, как эту ромашку среди королевских гладиолусов... А это? Мечта? Вот этот голубой цветок? Но он не раскрывшийся, еще только бутон... Никто не поймет, когда увидит, каким он станет, распустившись. Поэтому его тоже никто не купит, простите... А нет ли у вас чего-нибудь такого, что нужно всем? Счастья, например? Хорошо, договорились, приносите, я хочу его увидеть. Может, на счастье найдется больше покупателей... А это что такое? Гордость? Но она похожа на расцветший репейник — слишком

колючая. О ее шипы можно пораниться...

— Что здесь такое? — громынул голос за дверь. Лязгнул ключ, проворачиваясь в замочной скважине, и в палату снова вломился Айвен. — Что за крики? — рявкнул он, отчего Джастин дернулся на своей койке, просыпаясь, и теперь растерянно смотрел — не на вошедшего санитаря, а на кривой желтый прямоугольник света, что упал на пол из открытой двери.

— Никто не кричит, — неожиданно спокойно ответила София. — Мне снова принесли на продажу цветы, но только я не могу их взять, потому что...

— Ясно, — буркнул Айвен, и на его губах мелькнула неприятная усмешка. Без предупреждения он вдруг одним прыжком очутился возле девушки и, скрутив ей руки за спиной, заставил подняться. — Идем со мной, красотка. Думаю, еще кое-кто захочет пообщаться с тем, кто приносит тебе эти цветы.

— Отпустите меня! Я никуда не пойду! — закричала София, пытаясь вырваться из рук санитаря, но тот уже волок ее к двери. — Помогите! Кто-нибудь, на помощь! — ее крики теперь, наверное, разбудили половину больных из соседних палат, но Айвен не обращал на это внимания, продолжая грубо тащить за собой сопротивляющуюся девушку.

— Сестра! Тут, кажется, потребуется ваша услуга, — прозвучало уже издали.

Еще несколько минут слышны были истошные вопли Софии, однако потом они резко стихли.

— Что происходит? — широко открытыми глазами Дженни смотрела на проснувшегося Раяна, словно ища в нем защиту.

Но, кажется, на него произошедшее не произвело особого впечатления, равно как и на Эмму, которая, проснувшись, закрыла голову подушкой и снова отвернулась к стене.

— Опять к Софии приходил ее Черный Господин, — вздохнул парень.

— Какой еще господин? — Дженнифер не могла так же запросто успокоиться, как и остальные.

— К ней приходит иногда некто в черном, она называет его Черный Господин. Он приносит ей на продажу цветы — точнее, разные чувства в виде цветов, — чтобы она их продавала. Отдает все дешево, только она мало что берет — говорит, все это уже никому не нужно...

— Он что... действительно приходит? Ну, ты его видел? — Дженни вдруг вспомнила своего ворона, которого, как ей казалось, раньше замечала только она одна. Но стоило Джастину увидеть эту птицу тоже...

Раян пожал плечами.

— Нет, его видит только она. Или ей кажется, что видит...

Такой ответ немного разочаровал и встревожил Дженни.

— Значит, София в самом деле... сумасшедшая? — прошептала девушка. Ей отчего-то сделалось холодно, словно невидимый страх неожиданно обрел осязаемую форму.

— А бывают ли вообще полностью нормальные люди? — Раян усмехнулся, и эта грустная улыбка вдруг сделала его лицо намного старше, будто за плечами парня осталось полжизни и он знал, о чем говорил. — Некоторые нарочно обдалбываются наркотиками, чтобы «расширить сознание». А у нее это само собой вышло, после передоза. Ее откачали, но способность видеть больше не пропала. Поэтому и заперли тут...

— Ты уже рассказывал, что София — бывшая наркоманка... Сколько же ей лет?

— Кажется, около двадцати, — ответил Раян. — Она, как и ты, осталась сиротой. И богатой наследницей. А ее дядя, которого назначили опекуном, посадил свою племянницу на наркотики...

— Какой ужас... — прошептала Дженни.

Звук шагов по коридору заставил их обоих умолкнуть. Дверь снова отворилась, и в нее вошли

трое: Айвен вместе с Иглой тащили на себе бледную, безучастную Софию, которая сама даже не пыталась переставлять ноги. Ее спутанные темные волосы до половины закрывали лицо, напомилавшее, скорее, застывшую глиняную маску. И хоть глаза девушки были открыты, сейчас в них зияла пустота.

Не церемонясь Софию просто бросили на койку, как бросают мешки; она так и осталась лежать неподвижно. Игла пристально оглядела палату и молча вышла вслед за Айвеном, громыхнув на прощание дверью. Снова зазвенела связка ключей — медсестра замыкала восемнадцатую.

И опять воцарилась тишина. Но теперь она, как показалось Дженни, была наполнена неровным дыханием несчастной, застывшей в той же позе девушки.

Не выдержав, Дженни встала со своей постели и подошла к Софии, коснулась рукой ее холодного влажного лба. Глаза девушки до сих пор были открыты, словно она продолжала смотреть в одну лишь ей видимую реальность, только уже без слов.

Дженнифер поправила ее руку, что свешивалась с края кровати, и положила ее ровно. Натянула одеяло на неестественно выпрямленное тело. София, кажется, даже не почувствовала этого.

— Что они с тобой сделали, сволочи... —

сквозь слезы прошептала Дженни, осторожно глядя девушку по голове — София выглядела сейчас такой беспомощной и потерянной... — Ничего, мы выберемся отсюда, обязательно выберемся, — склонившись к несчастной, Дженни вдруг почувствовала прилив сил от этих своих слов.

В ту минуту, глядя на беспомощную соседку, Дженнифер пообещала себе, что не позволит никому сделать с собой то же самое. Она обязательно выберется отсюда. А еще — вытащит и остальных четверых, за которых вдруг начала чувствовать ответственность.

Глава 15. Королевство Джека

Утром София все еще продолжала лежать неподвижно; что бы ей ни сделали, это выглядело страшно. Не желая когда-нибудь оказаться на ее месте, Дженни решила не терять время попусту. А значит, необходимо во что бы то ни стало обследовать кухню. К тому же именно ей сделать это было бы проще всего — любопытство новенькой могло показаться естественным и не вызвать особых подозрений.

Позавтракав, Дженнифер не оставила на столе посуду, как обычно, а взяла свою пустую тарелку, захватила по пути еще несколько и пошла с ними за стойку раздачи.